

Вера Петровна Желиховская

Ночь всепрощения и мира

Вера Петровна Желиховская

Ночь всепрощения и мира

Серия «Фантастические рассказы»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2382905

Аннотация

«...Вот и в эту ночь, величайшую ночь христианского мира, Агриппа вышел, не чая ничего необычного; но чёрный пёс его знал, что должно случиться «нечто» не совсем обыденное... Он отводил пронзительный взгляд свой с хозяина лишь затем, чтобы требовательно, нетерпеливо устремлять его в тёмную ночь; он многозначительно взвизгивал, словно предупреждая его о чьём-то появлении.

Учёный наконец обратил на него внимание.

– В чём дело, дружище? – тихо спросил он. – Ты ждёшь кого-то?.. Ты извещаешь меня о прибытии гостя?.. Что же? Надо ли нам бояться того, кто придёт?...»

Вера Петровна Желиховская

Ночь всепрощения и мира¹

Была Великая Суббота – 1500-я годовщина святотатственного преступления, даровавшего спасение миру.

В Генуе храмы были переполнены народом, собиравшимся чествовать ночь Воскресения Господня. Колокола торжественно звонили, вечерние службы кончались, но оживление ещё царило на улицах и в цветущих окрестностях древнего города, над которыми раскинулся тёмно-синий купол небес, усеянный ярко сиявшими алмазами созвездий.

В маленькой вилле, утонувшей в зелени пальм, олеандров, мирта, лавров и роз, под мраморным портиком, на крыльце, стоял, прислонившись к резной колонне, человек высокого роста, ещё не старый, но с лицом уже изборождённым многими морщинами – следами забот, трудов, подчас тяжких лишений. Он вышел вздохнуть ароматным воздухом, оживить грудь сильными, здоровыми испарениями моря... Взор его блуждает по вольному простору Генуэзского залива, по цветущим берегам и морской зыби, отливающей серебром и фосфором под дрожащими лучами звёзд, – но он полон сосредоточенных дум и печали.

Рука его лежит на голове большой чёрной собаки, при-

стально устремившей глаза в его лицо. Глаза животного горят, как изумруды, в темноте ночи, в них глубина и сила мысли изумительные. Собака не сводит взоров с лица своего хозяина и, по временам, визжит или рычит, словно хочет ему сообщить что-то.

Человек этот – известный теолог, оратор, доктор, химик, историк и лингвист; другие считали его астрологом, алхимиком, магом и чародеем, повелителем элементов и духов, равным полубогам древности, подобным Гермесу Трисмегисту по знаниям и могуществу. Это великий учёный Корнелий Агриппа, врач Луизы Савойской, матери Франциска I, летописец Карла V, автор «Тайной философии», почти за четыре столетия ранее Месмера провозглашавший скрытые силы человека над человеком; многократный изгнанник и великий путешественник, едва не погибший на костре за то, что, будучи синдиком, в Меце, спас от пламени бедную девушку, приговорённую к сожжению за колдовство. Это Корнелий Агриппа, а рядом с ним – «*Monsieur*», его заколдованная собака-демон, описанная всеми современниками его, признававшими исключительные особенности их обоих.

Сам ли «Мосьё» был оборотень, домовый в шкуре пса? Или его «всезнайство» исходило из магического ошейника, скрытого в его длинной, шелковистой чёрной шерсти, – ошейника с кабалистическими знаками на внутренней стороне его? – в этом хроники не согласуются, но, как бы то ни было, «Мосьё» был советником, учителем и другом Корне-

лия Агриппы, – и оба это сознавали.

Вот и в эту ночь, величайшую ночь христианского мира, Агриппа вышел, не чая ничего необычного; но чёрный пёс его знал, что должно случиться «нечто» не совсем обыденное... Он отводил пронзительный взгляд свой с хозяина лишь затем, чтобы требовательно, нетерпеливо устремлять его в тёмную ночь; он многозначительно взвизгивал, словно предупреждая его о чём-то появлении.

Учёный наконец обратил на него внимание.

– В чём дело, дружище? – тихо спросил он. – Ты ждёшь кого-то?.. Ты извещаешь меня о прибытии гостя?.. Что же? Надо ли нам бояться того, кто придёт?

Он сосредоточенно смотрел в глаза собаки, и та ему отвечала не менее глубоким взглядом...

– Нет?.. Вижу, что нет. Тем лучше... Я утомился в житейской борьбе! Я устал скитаться и боюсь, что время моё сочтено... Не великой перемены страшусь я, – нет! Предвечного закона нечего страшиться. Но я боюсь, что не успею выполнить своих задач: не успею передать грядущим поколениям вверенных мне знаний... Пойдём, товарищ, работать! Ни дело, ни жизнь – не ждут!

И Агриппа вошёл в единственную комнату своего одинокого жилища, вместе и лабораторию, и кабинет для чтения и приёмную немногих посетителей, являвшихся к нему за советом, за предсказанием или за составлением гороскопа. Тут было всё: скелеты и реторты, фолианты, глобусы и геометри-

ческие инструменты; на полках и на столах были расставлены бокалы и фляжки с таинственными амальгамами, с цветистыми эликсирами, солями, кислотами, и рядом с ними – куски разнородных металлов и банки с различными семенами и всевозможными ингредиентами. Висячая лампа в виде ладьи, освещала таинственным, синеватым пламенем этот рабочий беспорядок, пучки трав, чучела пресмыкающихся и птиц, спускавшиеся с потолка. А возле огромного стола красноватые отблески углей, тлевших в жаровне, бросали огненные искры и багряный свет на все ближайшие предметы.

Учёный тотчас углубился в свои мысли и сложную работу, позабыв весь мир; а Monsieur, не зная забвения, уселся сторожем на пороге и зорко глядел в темноту, поджидая неминуемого гостя.

И вот он появился у входа в сад; вот перешагнул в ограду и прямо направляется в открытые двери жилища... Пёс слегка повернул голову к хозяину и предупредил его тихим, ласковым рычанием.

Но Корнелий Агриппа был слишком углублён в себя, чтобы видеть что-либо или слышать.

Незнакомец вошёл в район света и молча стал на пороге...

Незнакомец вошелъ въ районъ свѣта и, молча, сталъ на порогѣ.

Странен былъ его видъ!

Удивительные противоположности, невиданные в людях никогда; смесь отличительных свойств, совсем между собою несходных, поражала в наружности этого позднего посетителя. Начиная с его возраста, – всё было в нём неопределённо, противоречиво!.. Он не был сед, едва несколько белых нитей серебрило его чёрные кудри, но ни бороды, ни усов у него не было. Не было также и глубоких морщин; глаза, порою, блистали как у юноши; но, в общем, в выражении лица и всей его высокой, согбенной фигуры, сказывалось такое великое утомление, будто года лежали на нём тяжёлым бременем. Его древнееврейская одежда поражала богатством тканей и драгоценностей и, вместе, такую ветхостью, что, казалось, она сейчас распадётся лохмотьями и прахом... Но нет! Каким-то чудом его восточные шелка, расшитые золотыми буквами и кабалистическими эмблемами, его пурпуровая мантия, «эфод», накинутый на плечи, его когда-то богатые, но выцветшие сандалии, – держались, не распадаясь, на исхудалом, бескровном теле, казалось, тоже готовом разложиться, если б его сочленений и мускулов не сдерживало нечто сильнейшее материальных атомов и законов физических.

Наконец глухой, сдержанный лай собаки, очень похожий по звуку на вопрос: «Ну! Что ж ты?» – заставил Агриппу поднять голову и оглянуться... В ту же минуту, поражённый, он встал и пошёл навстречу пришельцу, не зная, что о нём подумать. Он чувствовал нечто весьма близкое к страху, будто

видел пред собой не живого человека, а мертвеца, с глубоко запечатлевшимся выражением страдания и томительного горя на челе.

– Прости мне, Агриппа, несвоевременное моё посещение. Великая твоя слава дошла и до слуха вечного странника... Желания мои давно к тебе стремились, – но выбора я не имею! – произнёс посетитель голосом глухим и бесстрастным, по звуку которого тоже ничего нельзя было определить.

– Сердечно приветствую приход твой, неведомый мне странник, пришедший ко мне с ласковым словом. Боюсь я только, что молва преувеличивает мои заслуги, и что я не удовлетворю твоим ожиданиям, – ответил учёный.

– Люди и молва во все веки одинаковы: их сфера – крайности. Ты сильно любим и прославляем, но также сильно унижаем и ненавидим... Ты – человек! И человеческой участи, – не миновавшей самого Бога, сошедшего на землю – не избежешь.

– Я это знаю... Мне доказали это долгие годы борьбы с невежеством, с равнодушием, с враждою...

Странник улыбнулся: печальна и горька была его усмешка.

– Ты мне не веришь?

– О, верю! Твои скитания из страны в страну, несправедливость к тебе временных, коронованных покровителей твоих – мне ведомы. Но прости мою невольную улыбку: я столько, столько раз слышал ребяческие жалобы на бремя лет та-

ких, как ты, людей, едва достигших полувека, что мне, – познавшему, что те лишь годы долги, которые ещё не наступили, а пережитый век или миг – едино, – без удивления слушать тебя трудно... Но я боюсь, что злоупотребляю... Прости меня за то, что я так много говорю о себе.

– Так много?.. Напротив, я желал бы слышать более. Я бы просил тебя, неведомый странник, – если бы смел нарушить долг гостеприимства, – сказать мне, кто ты, так легко говорящий о годах и столетиях?.. Я знаю предание об едином, несчастном человеческом создании, которое имело бы право говорить так, как ты. Но я считал его сказкой!

– Неужели ты, мудрец и учёный, не знаешь, что сказка – только забытая или переименованная действительность?.. Что многое реальное на свете часто гораздо изумительней волшебной сказки?.. Так слушай же, что я тебе поведаю, Агриппа. Я в ранней юности, бывало, глядел на заходившее светило дня, радостно помышляя, что через несколько часов оно вновь выплывет и засияет вечным блеском на тверди небесной, вновь и вновь освещая землю и ею любуюсь. Я, в безумии своём, втайне желал его бессмертия! Я завидовал его долголетию... Но ныне я познал, что молодость часто стремится к тому, от чего была бы рада избавиться старость... За тяжкий грех немилосердия дана мне участь бессмертного солнца: изо дня в день, безостановочно кружу я по земле, не находя покоя, и лишь теперь познал, как счастливы те смертные, которым позволено пройти краткий срок до желанного

отдыха! Его у меня не будет!.. Я лишился его по своей вине, в безумии гордыни и жестокосердия!

И удивительный странник поник усталой головою на свои бескровные руки.

Корнелий Агриппа смотрел на него со страхом, с сожалением, в изумлённом недоумении, не зная, что решить: был ли то безумец, лишённый рассудка, или действительно он видел перед собою воплощение той личности, которую доньше считал мифом, плодом фантазии и суеверия первых христиан...

Пришелец прервал его размышления.

– Позволь присесть мне, – сказал он, – сегодня ночь искупления всех грешных деяний, ночь всепрощения! Сегодня я имею право отдохнуть.

Учёный поспешил усадить его и предложить ему вина, плодов и хлеба, всё ещё думая, что перед ним безумный; но странник отказался от пищи; он еле прикоснулся к кубку иссохшими губами и, с благодарностью, с надеждой глядя на мудреца, заговорил, вновь оживившись:

– Не смею долго отнимать тебя от твоих занятий и сам не могу долее терпеть неизвестности. Скажи мне, о премудрый Корнелий Агриппа, справедливо ли молва называет тебя обладателем волшебного «зеркала прошедшего и будущего»?.. Верно ли то, что всякий, кто с упованием и верой посмотрит в этот магический диск, – увидит в нём отражение прошлой жизни и давно покинувшие землю лица, видеть кото-

рых жаждет душа его?

– Кого ж бы ты желал увидеть? – спросил Агриппа. – Чем ближе были узы, соединявшие людей, тем возможнее вызывать их отражения в моём магическом зеркале.

– Ближе той, мирской, давно прошедшей жизни, о коей желал бы я узнать – у меня не было!.. Семьи я не знал, потомства не имел... Все чувства души моей, весь пыл моего молодого когда-то сердца я излил на девушку, которая должна была стать моей, если б не гибельный мой грех!.. Хочу, о! всеми силами бытия хочу увидеть Ревекку, дочь раввина Эбена Эзры!.. Хочу узнать, что случилось с ней? Какую долю она избрала себе после моей невольной измены, после исчезновения моего из Иерусалима, из пределов Палестины?.. Века веков личных мучений не так пугают меня, как мысль, что она страдала тот краткий срок, который был суждён ей на земле.

Он вновь отчаянно закрыл лицо руками и, с тяжким стоном, продолжал:

– Подумай: какова мне неизвестность, ты, счастливый смертный, не утративший права ждть законного конца земных страданий и тревог. Подумай: мириады живых существ уходят в своё время. Миллионы миллионов боятся смерти, не хотят её – а умирают, хоть переполнены желанием жизни на земле. Я – ненавижу свою жизнь! Радостно бы принял я жесточайшие истязания, зная, что за ними ждёт меня могила, – но мне нет смерти! Нет конца!.. Реки иссыхают,

скалы распадаются во прах, величайшие памятники разрушаются, – всему приходит конец. Нет его только Агасферу, злосчастному сыну Мариамны!.. О! Дай мне, дай в эту милосердную, всепрощающую ночь, утешение – ещё единый раз увидеть мою Ревекку! Узнать, что с нею случилось! Если возможно, успокоиться в том, что мой грех не пал на её голову!

Весь дрожа, Корнелий Агриппа ответил ему:

– Да будет по твоему, мой странный посетитель. Кто ты? Откуда появился? Из геенны или из рая, из видимых или невидимых областей мироздания, – я сделаю всё, что могу, чтоб удовлетворить тебя.

И мудрец тотчас же приступил к заклинаниям.

Певучим голосом шепча неведомые слова, Агриппа снял покрывала, скрывавшие от глаз «зеркало прошлых и будущих веков»; окурив его одуряющею «манделлой» – семенами чёрного растения гробниц, собранного в окрестностях Кедрона, потом ароматическою «тассой», в народе называемую «травой Св. Троицы»; когда рассеялся их дым, он отполировал блестящую, металлическую поверхность этого вогнутого зеркала мягкими тканями и мехами. Потом, всё продолжая свои канты, поставил его на место, а между ним и своим посетителем, безмолвно ждавшим окончания его приготовлений, поместил треножник с пылающими углями.

– Теперь ты сам должен помогать мне, – обратился к нему заклинатель. – Сейчас я посыплю на огонь нечто, что подымится белою прозрачною завесой между нами и «зеркалом

веков». На этой завесе отразится, что ты желаешь видеть, – как наши тени отражаются, в солнечный день, на стенах; но только эти тени не будут лишены ни жизненной окраски, ни самобытного движения...

– Так я не в зеркале её увижу, а здесь, перед собой? – спросил тот.

– Да. Сияние зеркала так велико, что ты был бы ослеплён и ничего в нём не увидел бы, если бы не эта туманная завеса. Но помни, странник: что бы ты ни видел – ты должен хранить молчание. Одно твоё слово – и всё исчезнет!.. Теперь считай «десятки лет», истёкшие со времени события, которое ты желаешь видеть... Не ошибись в счёте: от этого зависит хронологическая верность картин. Ты можешь проследить всю жизнь человека, который тебя интересует... Считай же годы десятками, – как только свет, подобный солнечному, изойдёт из зеркала, и подымится пред нами занавес, – я же буду отсчитывать твои десятки вот этим маленьким жезлом.

И Корнелий посыпал угли каким-то порошком, а сам начал чертить по воздуху кабалистические знаки своим магическим жезлом.

Почти тотчас же, исходя из жаровни, стало развёртываться нечто вроде белой пелены, доходя почти до потолка и закрыв всю внутреннюю часть комнаты. В то же время зеркало за этой занавесью разгоралось таким ослепительным блеском, будто действительно обращалось в солнце. Лучи его, окрашиваясь, принимая цветы и формы существующих

в природе предметов и созданий, ударяли в завесу, – и вот уже начали образовываться на ней картины, лица, пейзажи.

– Пора! – промолвил торжественно маг.

И, встав, поднял руки к небу, потом быстро опустил их к земле... Целые снопы искр, белых как алмазы, посыпались сверху, а снизу брызнул фейерверк цветистых лучей, и весь этот ослепительно яркий свет сосредоточился в зеркале, будто оно его поглотило.

– Считай десятки лет! – приказал Агриппа.

И став рядом с ним, при каждой цифре, произносимой Агасфером, он повелительно махал жезлом.

Ровно 161 раз жезл поднялся и опустился, и с каждым новым взмахом ужас яснее выражался на лице Агриппы... Наконец, усталый, поражённый, он остановился, глядя на своего дивного посетителя...

«Так это правда?.. Это он, точно он, – вечный странник, осуждённый на бессмертие Агасфер»...

Да, иначе быть не могло... Та красавица, которую он так страстно желал увидеть, уже несколько секунд была перед ними; с каждым взмахом волшебного жезла вырастая из ребёнка, делаясь прелестною девушкой, она теперь достигла полного расцвета юности и стояла пред своим 1500-летним женихом в той именно среде и обстановке, окружённая именно теми лицами, которые были при ней в далёкий день; о коем мыслил он.

Туманная пелена расцветилась и ожила точным изображе-

нием древнееврейского празднества. На первом плане зеленела роскошная долина, орошённая потоком. Источник, весь в пене, вырывался из группы скал и стремился вниз по цветущему склону, осенённому там и сям группами пальм, рощами оливковых и гранатовых кустов. Кое-где в густой траве отдыхали домашние животные; бродила ручная газель, весело приближаясь на зов своей балованной молоденькой хозяйки, единственной дочери раввина Эзры, известного своим богатством. Ревекка полулежала в тени развесистого кедра, любуясь играми юношей, девушек и детей, веселившихся ради первого дня опресноков... То было ровно за год до рокового события.

В немом восторге взирал Агасфер на эту картину своей счастливой юности; и по мере того, как мысль его шла вперёд, вызывая другие воспоминания, – иные, ближайšie по времени, сцены появлялись на волшебной ткани, растянутой пред ними. Менялись окружавшие её декорации и лица, но сама девушка оставалась всё та же, меняясь лишь в возрасте и одеждах...

Вот стёрлись с первого плана высокие горы, исчезли и живописные кущи сада на берегах Кедрона. Видневшиеся вдали здания большого города приблизились, и пред зрителями прошли не только улицы, здания, площади Иерусалима, но и вся мировая драма, разыгравшаяся 1600 лет назад в Претории, в Синедрионе и, наконец, на Голгофе, – но лишь настолько, насколько участвовала в ней или видела её та, на

которой сосредоточивались помыслы еврея...

Вспоминать он мог только до роковой для него минуты, когда Христос остановился у его порога; когда его жестокое слово, в порыве гордыни, обращённое на Спасителя мира, рушилось на его собственную голову; когда, в ответ на оскорбление, он увидел безмолвный упрёк, безмолвное горе о нём самом в кротком взгляде Иисуса, омрачённом кровью, струившеюся из-под тернового венца; когда он понял всю глубину, весь ужас своего непоправимого преступления, и – побежал!.. Побежал, не оглядываясь на дом свой, на стены родного города, на родные горы и доли; и долго, долго бежал с ужасом и отчаянием в сердце, гонимый призраками ада, пока не свалился без сил, без памяти... Но не для отдыха, не для успокоения: их для него в природе уже не было! Едва опомнившись, он вскочил снова, чувствуя не землю, а лютый огонь под ногами, и снова побежал. И так опять, и опять, и всегда, – поныне и до века, и во веки веков, без отдыха, без срока!

С того дня протекли столетия, и столетия он носил в истерзанной душе своей тот образ, который явился ныне перед ним. Он вызван не языческим кудесником, не губительными силами чёрной магии, – нет! Он вызван, по мольбе его, христианином, мудрецом, глубоко верующим в Того, Кого он, всеми отверженный ныне, отверг тогда; над Чьим страданием насмеялся, не чая, что не во гневе Агнца, подъявшего грехи человечества, а в Его всепрощающем взгляде найдёт

свою казнь.

Ныне он чаял Его милости. Одного из Его слуг, коими переполнился мир, он пришёл умолять снять с измученной души его гнёт сомнения: дать узреть ему, что случилось с его, против воли брошенной им, невестой?.. Как окончила она свою печальную жизнь?..

Желание его было исполнено.

Вот перед ним три креста на Голгофе, которых он *тогда* не видел; вот святые женщины, три Марии, возвращаются домой в великой скорби своей, не замечая ничего и никого, не замечая разрушений землетрясения, сопровождавшего смерть Распятого, не замечая за ними следовавших любопытных, доброжелателей и врагов. Вечный странник жадно следил за ними и с изумлением видел, что в тот вечер опечаленных друзей шло за святыми женщинами более, нежели злорадствовало на пути их врагов. Он искал во множестве народа Ревекку, но не находил её...

Но вот Пресвятая Матерь Иисуса, опираясь на руку Иоанна, названного сына Своего, приблизилась к Своему бедному жилищу. Многие явные и тайные приверженцы Её Сына встретили Её, выбегая к Ней, не скрывая рыданий или робко выглядывая из-за углов, пряча слёзы свои «страха ради Иудеев»...

Между первыми, явно сочувствовавшими Её великому горю, выделилась стройная женская фигура, поджидавшая Богоматерь у порога Её дома. Когда Она была уже близко,

девушка страстным движением открыла лицо своё, орошённое слезами, и повалилась на землю, обнимая ноги Богородицы, как бы моля Её прощения и помощи, а Она, воззрев к небу, опустила руки ей на голову...

Поражённый Агасфер побледнел ещё сильнее. Так вот *что* было потом!.. Ну, – а далее?.. Что же далее?!

И, послушное его желаниям, зеркало отразило другую картину.

Не бедные кварталы Иерусалима, а величественные здания другого, роскошного, мирового, вечного города появились на туманном занавесе. Он тотчас узнал Рим и, в течение нескольких мгновений, показавшихся ему бесконечно долгими, проследил кровавую трагедию, свершившуюся почти пятнадцать веков назад над дочерью Эбена Эзры и многими её товарищами по вере. Он отыскал её сначала в тех тёмных подземельях, где ютились гонимые язычниками, – по-видимому, презренные и несчастные, но, в сущности, великие и блаженные – последователи учения Христова. Он проследил все страшные перипетии её заключения в темнице; потом её шествие в Колизей, в среде многих других жертв, обречённых на гибель на потеху кровожадной толпы. В ту минуту, полную смертельного ужаса, когда выпущенные на арену дикие звери прыгнули на толпу мучеников-христиан, когда разъярённая голодом тигрица бросила на землю его Ревекку, – несчастный, забыв, что перед ним не самое событие, а его тень, с громким криком бросился к страшному видению...

В миг всё померкло, – всё исчезло!

Со стоном, шатаясь и дрожа, вечный странник на секунду беспомощно опустил голову и руки, в то время, как Корнелий Агриппа, потрясённый до глубины души вызванной им из мрака древности драмой, спешил закрыть своё волшебное зеркало и широко растворить временно запертую им дверь в сад.

Дым и чад, вызванные волхвованиями, рассеялись. Свежесть и благоухание весенней ночи снова проникли в покой; снова в него ворвались тихий лепет листвы, успокоительный, мерный шум морских волн, разбивавшихся о берег; снова упали в него с небесных высот лучи игравших на них звёзд.

Агасфер поднял голову. По застывшему лицу его струились слёзы.

– Благодарю тебя, великий христианский мудрец! – сказал он. – Ты облегчил моё великое горе, сняв с моей души гнёт неизвестности и дав мне несколько блаженных мгновений свиданья... Благодарю тебя!.. Чем вознаградить мне тебя?.. Не примешь ли ты от меня эти несколько ненужных мне драгоценностей, поднятых мной по пути моих бесконечных странствий?

Говоря это, посетитель Агриппы протянул ему кошелёк, в котором блистали дорогие камни.

Но учёный отрицательно покачал головой.

– Нет, бедный друг мой, мне не нужны сокровища земные! – сказал он. – Один твой взор на эти небеса с мольбою

о прощении к Тому, в Ком были тобой оскорблены страдания всего человечества, – для меня лучшее и самое желанное вознаграждение.

– Аминь! – еле слышно прошептал Агасфер. – Прощай!.. Да воздаст тебе Бог Саваоф за добро и привет, оказанные бесприютному осуждённому.

И, медленно повернувшись и поникнув головой, вечный странник вышел и скрылся во мгле торжественной пасхальной ночи милосердия и всепрощения.